

Двойная планета. Гравюра Маурисиуса Корнелиуса Эшера. 1949.

УДК 323.2(075.8)(476+4-11)

Яскевич Я.С.

Белорусская культура в контексте современного социокультурного пространства: сложность исторического пути развития

Яскевич Ядвига Станиславовна, доктор философских наук, профессор, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета

E-mail: yadviha-s-yaskevich@j-spacetime.com; isgo@bseu.by

Статья посвящена выявлению ценности, самобытности, специфики, неповторимости национальных культур в условиях современных глобализационных процессов. Рациональный взгляд на локальные, региональные и глобальные процессы предполагает отказ от эгоизма в отношении разрешения собственных проблем, а также восстановление исторических и социокультурных традиций, идеалов и ценностей.

Ключевые слова: восточнославянский мир, белорусская культура и государственность, многообразие культур, национальная культура, патриотизм, национализм, сетевое сообщество, социокультурное пространство, уважение к другим культурам, интеграция и дезинтеграция.

Поиск новой модели мироустройства

Уважение к многообразию культур и религий обеспечивает уважение к убеждениям другого и, тем самым, создание пространства мирного сосуществования. Из-за недальновидной политики в этом вопросе любая страна может стать испытательным полигоном в ходе геополитического противоборства, как это не раз случалось в истории; ярчайший пример тому – республиканская Испания 1930-х гг., когда после отречения Альфонса XVIII во избежание, как он полагал, гражданской войны,

только за четыре месяца произошло более 100 общенациональных стачек и около 300 забастовок, было сожжено 1560 церквей, совершено 269 политических убийств. Взаимные претензии политических сил столкнули страну в хаос, мятеж националистов и взбунтовавшейся армии перерос в полномасштабную гражданскую войну, унесшую за два с половиной года жизни более 600 тыс. и сделавшую беженцами 300 тыс. человек¹. К сожалению, подобные сценарии реализуются и в XXI в.

Противоречивая и конфликтная модель современного социально-политического развития требует сегодня *формирование нового мироустройства*, ориентированного на моральный императив, спецификацию новой риск-стратегии национальных государств, рациональную интеграцию с другими странами.

По своей сложности интеграционные и дезинтеграционные процессы отражают реальные социально-политические взаимодействия государств и, по сути, призваны обеспечивать социально-политическую и экономическую стабильность. Интеграционные связи, с одной стороны, имеют *объективный характер*, реализуясь в виде международных объединений, образованных в силу исторической и социокультурной общности, пространственной близости, ценностных и ментальных ориентаций государств (европейское, трансатлантическое, евразийское и др. сообщества). С другой стороны, наднациональные интеграционные объединения могут иметь и *субъективный характер*, возникая как международные союзы, блоки, структуры, образованные в результате частичного удовлетворения интересов – национальных и политических элит, – ограниченных по времени действия, балансу, расстановке сил и т.д. При этом конкурирующие интеграционные структуры могут существовать на одном и том же геопространстве, представляя разнообразные стратегии и интересы конкретных государств.

Безусловно, стремление к реализации интеграционной политики должно исходить из стратегических целей, поливариантности, многомерности, преодоления эгоистичных и изоляционистских настроений. Выбор национальных государств в качестве категорического императива при этом должен опираться на такие ценностные приоритеты, как коллективная ответственность, межконфессиональный, межкультурный диалог, межнациональное согласие, взаимоуважительное сосуществование различных культур и религий. Такое взаимное уважение предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие, выражение внутренней и внешней свободы, способность к продуманному выбору между альтернативными точками зрения и способами поведения. Анализ современных интеграционных процессов позволяет говорить о том, что за очевидными межгосударственными противоречиями и конфликтами, как правило, скрываются более фундаментальные, сущностные причины. При этом важно учитывать, что человечество подошло к переломному моменту своей эволюции, за которым может последовать исторический финал или новый этап развития.

«Когда сложные открытые системы достигают критической нестабильности, для них наступает момент истины: они либо трансформируются, либо разрушаются»².

В точках исторической бифуркации, когда мировая социально-экономическая и политическая система дестабилизирована, возможна реализация сценариев хаотизации общества, наступления трагического бытия «на изломе». В связи с этим важно выявить специфику культурологических, социально-политических и экономических приоритетов национальных государств в процессе формирования новой модели мироустройства, статус национальной культуры и общих интересов.

Современная трактовка принципа плюрализма культур допускает стремление человека к обретению идентичности и не отрывает индивида от его корней, веры, убеждений, социокультурных достижений. Этот тип плюрализма стремится к этническому, культурному и социальному многообразию. Путем подавления индивидуальности обрести единство в мире невозможно. Существование различий и многообразия культур не является препятствием для признания универсальной идентичности человечества, поэтому необходимо научиться «преодолению слепоты к различиям», пониманию того, что конкретный способ человеческого бытия представляет собой уникальное бытие, предъявляет требование сохранять верность самому себе³. Любая национальная культура своими корнями уходит в историю определенной нации, формируется на протяжении ее исторического развития на основе этнической специфики, обеспечивая развитие общечеловеческой культуры и в то же время определяя углубленное понимание собственной культуры и ее ценностных оснований.

¹ См.: Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М.: Центрполиграф, 2003.

² Ласло Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // Куда движется век глобализации? / Под ред. А.Н. Чумакова, Л.Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014. С. 9–12.

³ Кастийо М. Понятие плюрализма и этика коммуникации // Философские науки. 2013. № 11. С. 134–144.

Истоки белорусской культуры и государственности

Белорусская национальная культура, сложившаяся на восточнославянской основе во взаимодействии культуры белорусского этноса с культурами других этнических групп – русских, литовцев, поляков, татар и др., – демонстрирует тесные взаимоотношения с другими народами, «пограничный» характер, шаг за шагом закладывая свои собственные приоритеты и ценности, важные для понимания ее места и роли в мировой культуре.

Тесные культурные взаимоотношения были обусловлены географическим положением Беларуси, влиянием двух миров: православно-византийского и римско-католического. Славянское ядро, образованное во время «великого переселения народов» из Центральной Европы на юг и на восток в VI–VII вв., способствовало формированию белорусской народности, а также общей для всех восточнославянских племен культуры. Во время совместного существования в составе Киевской Руси (IX–первая треть XIII в.) сформировалась материальная и духовная культура, творения которой в одинаковой степени принадлежат духовному наследию русского, белорусского, украинского народов.

Принятие христианства ускорило развитие культурного процесса на Беларуси. В обогащении духовной жизни Беларуси большую роль сыграли христианские просветители: Ефросиния Полоцкая (между 1101 и 1105 – 1167), Кирилл Туровский (1130 – ок. 1182), выдающиеся церковные деятели, писатели и мыслители Климент Смолятич (?–1164) и Авраамий Смоленский (1150 или 1172 — 1221 или 1224). На культурный облик белорусов и их национальный характер особенности процесса христианизации их предков, проходившего преимущественно мирным путем, оказывали сильное влияние. В более поздние эпохи гармонический синтез христианской духовности и языческой мифологии стал одной из существенных причин расцвета белорусского фольклора.

Ефросинья Полоцкая. Фрагмент иконы XVII в.

Памятник Кириллу Туровскому в Турове

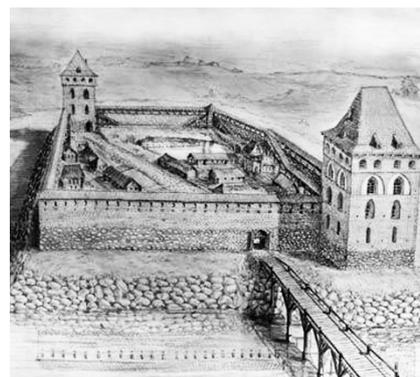
Избрание Климента Смолятича на Киевскую митрополию. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Авраамий Смоленский. Фрагмент иконы XVIII в.

Культура периода XI–XIII вв. представляла собой тип «раннехристианского Возрождения», рожденного в результате синтеза византийских канонов и традиций, особенно в области искусства, творческих порывов молодого белорусского этноса, христианского духовного подвижничества и принесенной из Византии эллинистической культуры. В конце XIII – XV вв. к славяно-византийской традиции присоединяются западноевропейские творческие импульсы и влияния, которые усиливаются в XVI в. В этот период происходит формирование *собственно белорусского типа культуры*: становление языка, развитие художественной культуры (архитектуры, изобразительного и прикладного искусства и т.д.) на основе собственных культурных особенностей в сочетании с византийскими и западноевропейскими образцами. Именно в это время формируются основные ценности и характеристики белорусской культуры, которые на столетия определяют ее существование и войдут составной частью в политическую культуру. Христианский гуманизм белорусского Возрождения, этическая направленность произведений белорусской литературы, ценности либерализма, религиозная толерантность – все это определило особое значение этого периода, ибо в период XIII–XV вв. шло становление белорусской народности, государственности, старобелорусского языка. В различных областях происходил синтез местных традиций и достижений западноевропейской культуры. В архитектуре возникали местные разновидности романского и готического стилей, формировались характерные черты белорусской оборонной архитектуры (Новогрудский, Лидский, Кревский замки), церковной живописи и музыки, создавались произведения оригинальной и переводной литературы.

В XVI – первой половине XVII вв. сложился белорусский тип ренессансной культуры, возникли предпосылки для становления современного белорусского языка, литературы, театра, музыкального

Белорусские замки XIV в., слева направо: Новогрудский (реконструкция), Лидский (современный вид), Кревский (реконструкция)

и иных искусств. Важную роль в развитии ренессансных тенденций, в подъеме белорусской культуры сыграло книгопечатание. Основоположником белорусского, а с ним и всего восточнославянского книгопечатания стал просветитель и гуманист Франциск Скорина (ок. 1490–1551).

Широким связям белорусской и европейской культур, кроме географического положения, способствовали ориентация Великого княжества Литовского на освоение лучших достижений западноевропейской цивилизации и культуры; Реформация; Магдебургское право (право на городов на самоуправление), которое способствовало расцвету экономической и культурной жизни белорусских городов; плодотворная работа в этих городах западноевропейских (немецких, итальянских, нидерландских и др.) мастеров. Широкое развитие наряду с кириллической получила латиноязычная литература (Н. Гусовский (ок. 1470 — ок. 1533), Я. Вислицкий (точные даты жизни неизвестны) и др.).

Здесь следует особо подчеркнуть, что оформление белорусской народности и становление белорусского типа культуры в этот период связано, прежде всего, с развитием языка. В это время Ф. Скориной был сделан перевод на старобелорусский язык Библии, что способствовало утверждению государственного статуса старобелорусского языка. На нем писались соглашения, велось делопроизводство¹, архив государственной кан-

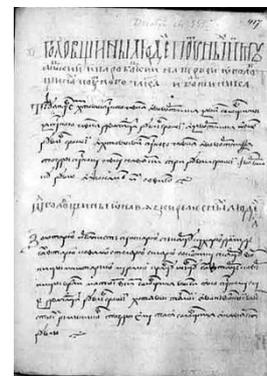
Франциск Скорина. Фрагмент гравюры 1517 г.

«Библия руска» Ф. Скорины. Титульный лист. 1517–1519 гг.

Страница 4-й книги судебных дел Литовской метрики 1522–1530 гг.

Страница Первого статута Великого княжества Литовского, 1529

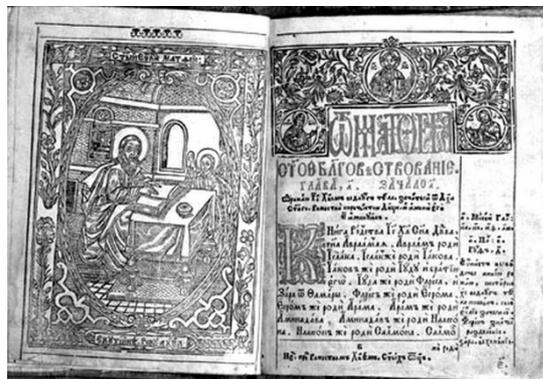
¹ Славист из Института литовского языка проф. С. Темчинас отмечает: «Язык Великого княжества Литовского в разных культурных традициях называется по-разному. В Беларуси он называется старобелорусским, в Украине – староукраинским. Раньше он назывался канцелярским языком ВКЛ. Я лично, говоря по-русски, предпочитаю употреблять термин “руска мова”, чтобы выделить этот язык, который имел свои отличительно-формальные признаки, но еще больше отличался своими общественными функциями от древнерусского языка» (Зверко Н. Ученый-славист: как руска мова стала официальным языком ВКЛ [Электронный ресурс] // RU.DELFI. 2011. 16 сент. Режим доступа: <http://ru.delfi.lt/vkl/history/uchenyj-slavist-kak-ruska-mova-stala-oficialnym-yazykom-vkl.d?id=49727298>. О «русской мове» пишет и Ю. Верхоланцева из Калифорнийского университета (США) (Verkholantsev Ju. *Towards the Definition of Ruthenian as a Written Language of the Grand Duchy of Lithuania*. N.p., 2001. Web. <http://www.aatseel.org/100111/pdf/program/2001/abstracts/Verkholantsev.html>). При этом и она, и Вяч.Вч. Иванов, и венгерский славист А. Золтан называют официальный письменно-литературный язык Великого княжества Литовского с XIV в. по 1696 г. «ападнорусским», указывая, что основу его составили западные восточнославянские диалекты («старобелорусский» и «староукраинский») устного языка повседневного общения основной массы населения Великого княжества Литовского, а также элементы церковно-славянского (преимущественно западнорусского извода) и польского языков (см.: Иванов Вяч.Вс. *Славянские диалекты в соотношении с другими языками ВКЛ* // *Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов*. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 185–191; Он же. *Языки, языковые семьи и языковые союзы внутри Великого княжества Литовского: Speculum Slaviae Orientalis*: Москва, Юго-Западная Русь и Литва в период позднего Средневековья / Под ред. Вяч.Вс. Иванова, Ю. Верхоланцевой. М.: Новое издательство, 2005. С. 120–121; Золтан А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. М.: Индрик, 2014). (Прим. ред.)

целярии, который сохранился под названием Метрика Великого княжества Литовского, на нем были созданы три редакции литовского Статута – верховного закона Великого княжества Литовского, составившего правовой фундамент Княжества. Старобелорусский язык являлся обиходным для великого князя и его придворных, для риторики и философии. Этот же язык и белорусская культура стали в Великом княжестве Литовском основными для различных этносов.

Гуманистические идеи и ценности европейского ренессанса дали толчок созданию на отечественной почве оригинальных произведений. Недаром этот период называют «золотым веком» Беларуси. Очень насыщенной была литературная жизнь Беларуси. На многочисленных печатных станках издавались сотни оригинальных и переводных книг просветительского, духовного и полемического характера, учебные пособия. Только во второй половине XVI столетия в Беларуси было издано столько книг, что их общее количество в десять раз превышало количество изданий, которые были выпущены в Московском государстве за весь XVI и начало XVII вв. Белорусская печатная и рукописная литература XVI в. испытала как восточное (византийское), так и западное (католическое и протестантское) влияния. И впоследствии при издании белорусских кириллических книг сохранялись принципы византийской эстетики. Книги, напечатанные латиницей, имели западное оформление. Использование достижений западноевропейской ренессансной культуры вводило белорусов в общеевропейский культурный контекст.

Титульный лист Катихизиса Симона Будного. Несвиж, 1562 г.

Старопечатная белорусская Библия. 1652 г. Новый Завет. Гравюра Евангелиста Матфея.

Титульный лист трактата «Искусство артиллерии» Казимира Семеновича. Амстердам, 1651, на французском языке

Страница из Rosarium et Officium Beatæ Mariæ Virginis... (Позриум, сборник молитв Богородицы...) Александра Тарасевича, 1678, на латыни

Здесь следует отметить, что для белорусской интеллигенции обычным явлением была и учеба в университетах Кракова, Падуи, Болоньи, Кенигсберга. Положение на «пограничье» давало белорусской культуре возможность участвовать интенсивном диалоге Запада и Востока. Представители белорусской литературы использовали средства европейской культуры для выражения своей «белорусскости» (белорусской культурной принадлежности). Так, на рубеже XV–XVI вв. размышления о судьбе родного края и народа, об их месте на путях истории оказываются в равной мере представлены и в написанной на латыни поэме Н. Гусовского «Песня про зубра», и в творчестве Ф. Скорина, выпускника Краковского университета, доктора медицины Падуанского университета, творившего, однако, на родном языке.

Эпоха Возрождения характеризуется также и религиозным плюрализмом. В это время в пределах Великого княжества Литовского мирно сосуществовали не только представители различных этносов – русские, белорусы, украинцы, литовцы, поляки, немцы, евреи, – но и сторонники разнообразных религиозных конфессий – католики, православные, протестанты, иудеи.

В то же время само существование государства на границе двух цивилизаций, европейской и евразийской отнюдь не было мирным. Начиная с XVI в. Великое княжество Литовское – с 1569 г. часть федеративной Речи Посполитой в соответствии с сеймовой Люблинской унией – становится ареной военных действий. В русско-польской войне 1654–1667 гг. погибло около 50% населения Великого княжества. В 1791 г. оно, ослабленное и внутренне исчерпанное, было официально ликвидировано Конституцией 3 мая, а по итогам третьего раздела Речи Посполитой вместе с белорусскими землями вошло в состав Российской империи. Это, с одной стороны, способствовало обогащению и диалогу белорусской и русской культур, с другой стороны, поскольку синтеза двух цивилизационных основ не произошло, привело к определенной потере самобытности этноса, развивавшегося в зоне контакта двух цивилизаций.

Белорусская культура как посредник между Востоком и Западом

До XVI в. восточные и западные культурные влияния находились в относительном равновесии. Однако уже при великом князе литовском Александре и, особенно, с заключением Люблинской унии начинается разворот прежде развивавшегося в русле восточнославянской культуры Великого княжества Литовского (основу которого составляли белорусские земли) в западную сторону.

Важным этапом в развитии белорусской культуры является XVII – начало XVIII в., когда конфессиональный фактор начинает играть первостепенную роль. Религия берет на себя роль выразителя культурной принадлежности. Уже в конце XV – начале XVI вв., в правление великого князя литовского Александра, женатого на сохранявшей верность православию дочери Ивана III. В качестве компромиссного решения межконфессиональных противоречий, в том числе и в верхах, стало рассматриваться униатство (объединение западной и восточной ветвей христианства с признанием верховенства Римского папы и сохранением греческой обрядности). В конце XVIII столетия именно с ним отождествляло себя около 70% населения Беларуси. Уния не только стала религией большинства населения, но и способствовала сохранению белорусского языка: на белорусском языке читались проповеди, на нем обращались священники к верующим во время службы.

Униатство постепенно приобретало белорусскую национальную форму, и если в конце XVI – первой половине XVII вв. уния еще воспринималась как народная трагедия, то в XIX в. она уже считалась подлинной верой отцов и дедов. На протяжении более двухсотлетней истории своего существования в униатстве выросло и было воспитано несколько поколений людей. После ликвидации унии в 1839 г. начался массовый переход в католичество и православие, но и в середине XIX – начале XX вв. греко-католицизм (униатство) оставался наиболее близкой народу религиозной формой и воспринимался как особенность «литвинов», «белорусцев». В то же время, в силу наличия на белорусской земле многих конфессий религия не смогла стать фактором национального самоопределения. Христианизация белорусов не охватила всех сфер их жизни, проникновение христианства было глубоким только в культуру городского населения. Основой же мировоззрения крестьянства был один из самых богатых в Европе аграрный фольклор с его календарной обрядностью. Крестьянская среда с ее традиционной культурой становится основным выразителем национального мировоззрения.

С вхождение белорусских земель в состав Речи Посполитой, расширяется политическое и культурное влияние Польши. Результатом и Кревской (1385), и, тем более, Люблинской (1569) уний стало усиление полонизации – сначала белорусского дворянства, а затем и городских верхов, школы, печати, и если до конца XVII в. официальным языком государственного делопроизводства ещё оставался белорусский, то со второй половины XVII – XVIII в. он начинает вытесняться польским и частично латинским. Это влияние усиливалось и активизацией католицизма, переходом в него верхов общества. Внесли свою лепту и политика латинизации православной церкви, которую последовательно осуществляли францисканцы, доминиканцы и особенно иезуиты, и увеличение количества польско-латинских изданий, и активное строительство костелов и униатских церквей. Западное влияние осуществлялось за счет постоянной и разносторонней связи с крупными политическими и культурными центрами Европы, прежде всего, Римом. Оттуда привозились и художественные произведения, которые первоначально служили образцами для местных мастеров. Западноевропейское влияние на культурную жизнь в это время было как никогда сильным, однако и в этих сложных условиях белорусская культура и искусство сохраняли свою самобытность и византийскую первооснову.

В новых социокультурных условиях синтез восточной и западной цивилизационных основ был реализован в белорусском барокко, оказавшемся своеобразным посредником между Западом и Востоком – западнославянским и восточнославянскими мирами. Барокко – основной стиль белорусской художественной культуры XVII–XVIII вв. – раскрылся в двух разновидностях: восточнославянской (сформировавшейся на основе синтеза местной культуры и западноевропейских влияний) и западноевропейской, носителями которой в Беларуси были униатские и католические ордены. При этом, с одной стороны, архитектура барокко стала самым значительным художественным вкладом Беларуси в мировую цивилизацию и культуру, с другой, – белорусское барокко внесло значительный вклад в формирование восточнославянского культурного единства и оказало существенное влияние на развитие восточнославянской культуры.

Фактически Беларусь не просто стала вторым после Италии центром европейского барокко. Именно через белорусские земли это художественное направление получило распространение и в Московской Руси, и на Украине, и уроженец Беларуси Симеон Полоцкий стал одним из основоположников русского барокко в литературе. Однако – выскажем здесь это предположение – распространился этот художественный стиль и на Руси, и на Украине и был там органично воспринят

именно постольку, поскольку белорусское барокко привнесло в западноевропейскую традицию сильнейший элемент византийской культуры. Так, византийские по своему происхождению конструктивные особенности барочных церквей и костелов (крестово-купольная базилика), монументальных росписей (использование византийских традиций в росписях католических храмов) и иконописи (сохранение ее византийской первоосновы) облегчили вхождение индивидуализации портретов, скульптуры и мифологических сюжетов в восточнославянскую художественную традицию.

Бернардинский костел Обретения Святого Креста в Гродно. 1618, 1738

Церковь св. Николая в Никольском монастыре. Могилев. 1669–1672

Богоявленская церковь. Могилев. 1636. Фото начала XX в.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы (бывш. кармелитский костел). Глубокое. 1639 – 1654

Интерьер бернардинского костела Непорочного Зачатия Девы Марии в Слониме. XVII–XVIII вв. Барокко, рококо.

Интерьер Архикафедрального собора Имени Пресвятой Девы Марии, главного католического храма Минска. Начало XVIII в. Барокко

Синтетический характер носил и барочный театр, где ставились пьесы на различных языках.

В целом же можно говорить о том, что именно барокко, привнесенное в белорусское культурное пространство иезуитами и униатами, способствовало интенсивному развитию в Беларуси XVII в. не только церковного искусства, но и светской философии, школьного образования, книгопечатания, театрального искусства, книжной графики и портретной живописи, светской поэзии, музыки.

После трех разделов Речи Посполитой (конец XVIII в.) и присоединения Беларуси к Российской империи полонизация господствующих сословий и официальной «элитарной» культуры даже усилилась, но после подавления национально-освободительных восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. в Польше, Беларуси и Литве польское влияние уступает первенство русской культуре. В этих условиях культурно-творческие возможности белорусов главным образом проявились в этнической составляющей культуре (фольклор, народные театры, зодчество, прикладное искусство, обрядовая культура), которая оказала сильное воздействие на национальное искусство XIX–XX вв.

Усиление этнического элемента культуры уже в XIX в. закономерно способствовала росту национального самосознания; народная культура и старобелорусская письменно-культурная традиция стали основным источником национального возрождения. Происходило становление новой белорусской литературы, национального театра, началось исследование народного быта и творчества. Развивалось национальное самосознание, возникло стремление осмыслить историческое наследие белорусского народа. Становление белорусской национальной культуры проявилось в развитии крестьянско-народнической, революционно-демократической мысли, социально-критических мотивах устно-

го народного творчества, в народной тематике и национальной стилистике изобразительного искусства, в научных исследованиях жизни и культуры белорусов.

Развитие белорусской культуры конца XVIII – XIX вв. характеризуется тем, что первостепенное значение начинают приобретать явления народной культуры. Это было закономерно в условиях, когда высшие слои переходили в русло сначала польской, а затем и русской государственности и культуры. Белорусской культуре для того, чтобы сохранить себя, требовалось «перейти» на иной уровень – народной, фольклорной культуры, которая и стала на тот момент единственной белорусской культурой. Начиная с XIX в., она приобретает уникальную особенность. Это культура прямого крестьянского происхождения. В результате возникла историческая ситуация, когда национальная культура возрождалась и развивалась на живом народном говоре, на духовной основе народных низов, вместе с процессом формирования новой (в первоначальном образе крестьянской) интеллигенции. Таким образом, в генетической основе белорусской культуры лежит богатейший фольклор. Продолжительное и широкое его существование формировало устойчивые образно-мифологические и образно-фольклорные представления в крестьянской среде, которые позже будут плодотворно питать письменную национальную литературу. Новый белорусский литературный язык возникает в XIX в. на действительно народной основе.

Поиск специфичности, собственного «лица» белорусской культуры характерен для белорусских деятелей XIX – начала XX вв. (Ф. Богушевич, Я. Купала, И. Абдзиралович, А. Цвикевич и др.).

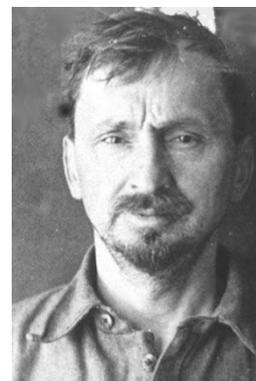
Франциск (Францішэк) Богушевич (1840–1900), белорусский и польский поэт, один из основоположников новой белорусской литературы

Янка Купала (настоящее имя Иван Доминикович Луцевич, 1882–1942), классик белорусской литературы, поэт, драматург, публицист

Игнат Владимирович Абдзиралович (настоящая фамилия Канчевский, 1896–1923), белорусский поэт, философ и публицист

Александр Иванович Цвикевич (1888 или 1883–1937), белорусский историк и общественно-политический деятель. Фото 1937 г. (при аресте)

Предпринимались попытки определить свое культурное «Я», очертить границы собственного существования, происходило складывание национальной идеи. Во второй половине XIX в. возникает проект построения национальной культуры. Начинается интенсивное изучение истории белорусского края, его языка, богатого белорусского фольклора. В этом направлении многое сделали ученые-этнографы, поэты-романтики. Романтизм как литературное и в целом общекультурное движение первой половины XIX в. первым «опознает» народ в качестве ключевого объекта и делает ставку на этническое и национальное пробуждение народов.

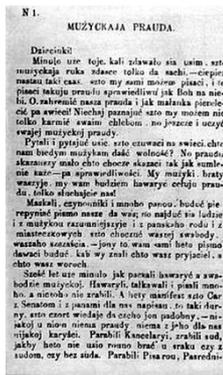
В формировании белорусского национального сознания, возрождении духовной культуры огромную роль сыграла литература, которая обозначила ценностные ориентиры белорусской нации – в частности, ценность собственного языка. В предисловиях к своим книгам Ф. Богушевич одним из первых стал проповедовать национальное возрождение белорусов, доказывая, что они представляют отдельный, самостоятельный народ со своим языком. Расцвет белорусской поэзии способствовал «пробуждению» народа, выявлению его творческого потенциала, возможности стать активным творцом своей собственной судьбы, своей «доли» и своей «воли». Газета «Наша Нива» вела неустанную просветительскую работу, ставя своей целью возрождение белорусской народной культуры, обращаясь к народу на его языке, пробуждая в нем чувство собственного достоинства. «Наша нива» напоминала о необходимости чтить права каждого народа, ценить всякую культуру и, закрепляя свои национальные устои, широко пользоваться приобретениями культуры как великорусской, так и польской и украинской.

Первая страница еженедельной белорусской газеты «Наша нива» (Вильно, 1906–1915)

Викентий Константи́н (Касту́сь) Калиновский (Konstantyn Seменович Калиновский; Wincenty Konstanty Kalinowski, 1838–1864), публицист, поэт, один из руководителей восстания 1863 г. на территории Российской Империи

Первая страница первого номера белорусскоязычной газеты-листки «Мужыцкая праўда» («Мужыцкая праўда», 1863), набранная белорусской латиницей

Именно на пространстве общественно-культурных изданий и книг белорусы сформировались как нация. Начиная с «Мужичькой правды» К. Калиновского и виленской «Нашей нивы» 1906–1915 гг. все белорусские издания выполняли роль общественных и социально-политических институтов.

В формировании национальной культуры в этот период большую роль играет сформировавшаяся национальная интеллигенция. Она разрабатывает концепцию национального объединения, дает основные ценностные ориентиры. Именно интеллигенция выступает носителем белорусской идеи, тем посредником, благодаря которому происходит присоединение народа к национальной культуре. Национально-культурный геноцид 30-х гг. XX в. приостановил процесс развития белорусской национальной культуры. Под флагом борьбы с так называемыми нацдемовцами начался процесс физического уничтожения белорусской интеллигенции, в первую очередь творческой. То ее поколение, которое

позже могло бы придать силу национальной культуре, погибло в сталинских лагерях и в огне войны.

Во времена Советского Союза сложился вариант так называемой советской белорусской культуры. Развитие белорусской культуры в советский период характеризуется значительными достижениями, прежде всего, в области искусства в лице литераторов, художников, композиторов. В изобразительном искусстве это творчество М. Савицкого, А. Марочкина, А. Кашкучевича, драматургии – деятельность А. Макаенка, А. Дударева, литературы – произведения В. Быкова, И. Мележа, И. Шамякина, В. Орлова, С. Алексиевич и др. Конец XX и начало XXI вв. и происходящие мировые изменения поставили перед культурами проблему сохранения собственной идентичности.

Трудный и порою трагический путь становления и развития национальной культуры, национального самосознания и самоидентификации отражались и на формировании таких ценностей белорусской культуры, как склонность к компромиссам, несилловые стратегии в разрешении конфликтов («памяркоўнасць»), идентификация себя с группой, общностью («тутэйшыя») в противоположность западному индивидуализму, приоритет духовных ценностей над материальными, гармонии с обществом и природой («усе будзе добра»), обостренное особое чувство национальной гордости («гэта мы – беларусы»), сильное влияние духовно-религиозных установок («божа дапамога»), упование на идеалы справедливости, сохранение общественного согласия («згоды»).

Хотелось бы, чтобы на современном этапе цивилизационного развития с его острыми противоречиями и, вместе с тем, с необходимостью отказа от всякой иерархии культур и политических систем, а значит, и с отрицанием европо- и америкоцентризма, именно славянский мир смог сыграть ведущую роль творческого посредника между Востоком и Западом, и тем самым послужить их интеграции, пониманию, а не противостоянию и желанию подчинить друг друга. Находясь же на перекрестке цивилизаций в силу своего социокультурного и геополитического статуса, Беларусь, став местом встречи Востока и Запада уже внутри славянства, в этом процессе может сыграть заметную роль.

Национальная культура

в формировании молодежной политики, гражданственности и «жизни в сети»

Но для того, чтобы славянский мир стал способен выполнить эту миссию, в современном рискованном обществе глобальных изменений и потрясений, угрожающих вызовов по отношению к национальному суверенитету приоритетными ценностями, особенно для молодежи, должны стать такие ценности, как консолидация, государственность, бережное отношение к языку, собственной истории, национальным традициям, обычаям, общечеловеческим идеалам добра, правды, справедливости. В переломные моменты человеческой истории и культуры резко актуализируется проблема обоснования новых мировоззренческих и социально-политических ориентиров и ценностей, стратегии развития, формирования национальной идеи, способной объединить общество. Без новых идей невозможно появление новых социальных отношений и обновленных ценностей, ибо, чем динамичнее жизнь, тем большая необходимость возникает в нестандартных, убедительных идеях, тем больше вектор наших размышлений обращен в будущее. Ведь идея, по словам В. Гюго, – путеводитель, без которого, как гласит его афоризм, широко растиражированный в интернете, «все останавливается. Цель

утрачена, и сил как небывало». Сегодня и современная молодежь все чаще «вопрошает» будущее, критично оценивая прошлое и выстраивая стратегию реального поведения и жизненного выбора.

Без знания своего прошлого не построить будущего, ибо «прошлое еще впереди», история и культура народа, как генетический код, определяет наше будущее. Идеи гражданственности и патриотизма вне исторического и социокультурного прошлого не рождаются – но это не означает тождества патриотизма и цивилизационной идентичности. В этом смысле именно упомянутое выше пребывание «на пограничье» и постоянное нахождение в сфере различных культурно-цивилизационных влияний не дали белорусской культуре возможности до конца самоопределиться, выбрать свой «путь». Белорусы не могут, в отличие от своих соседей, идентифицироваться только с одной культурной традицией. Зато они могут считать себя потомками всех этих традиций наравне с другими нациями.

Проблема поиска своего пути развития была характерна для белорусской культуры на протяжении всей ее истории. Одним из первых сформулировал идею белорусского пути И. Абдзіраловіч (Кончевский). В своем трактате «Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага светагляду» (1921) он рассматривает историю Беларуси как историю колебания между Западом и Востоком. Центральным образом у него является *раздорожье*, на котором веками стояли белорусы, не зная, куда податься. Беларусь долгое время сохраняла свою «пограничность» и окончательное «неприсоединение» ни к Западу, ни к Востоку:

«Мы не стали народом Востока, но не приняли и культуры Западной Европы... Блуждание между Западом и Востоком и искренняя непринадлежность ни к одному, ни к другому является основной отличительной чертой белорусского народа ... Жизнь требовала синтеза, гармонизации обоих направлений, но это, как видно, оказалось невозможным»¹.

Для Беларуси проблема самоидентификации связана со сложностью исторического пути развития, прерывистостью культурной традиции. Отсутствие непрерывной традиции, воздействие различных культур и цивилизаций затрудняли процессы идентификации белорусов, не давали четких критериев определения культурной принадлежности. И язык, и религия не смогли выступить средством самоидентификации (объединения и сплочения белорусской нации). В различные эпохи на Беларуси функционировало в качестве литературных шесть языков – старославянский, латынь, старобелорусский, русский, польский, новобелорусский. Для выражения своего отличия от русских и поляков сами белорусы употребляли название «тутэйшыя»: «мы ни русские, ни поляки, а край наш забраны».

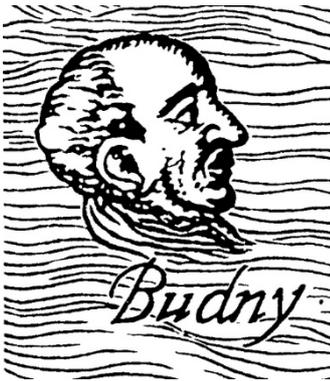
Ситуация начала и середины 1990-х гг. поставила вопросы о реальной независимости, суверенитете в условиях кризиса государственной, национальной и культурной идентичности. Остро заявила о себе проблема выбора социальной ориентации белорусов, их приоритетов в области государственной, политической, национальной, культурной жизни. С начала 1990-х гг. идет поиск собственной идентичности. Этот период назван «Возрождением», возрождением и развитием собственной истории, государственности. Важное значение имело принятие Закона о языках в БССР (1990), создание Общества белорусского языка имени Ф. Скорины. В 1990 г. белорусской и зарубежной общественностью было отмечено 500-летие со дня рождения первопечатника и просветителя Франциска Скорины. В конце 1980–1990-х гг. вышли несколько энциклопедических изданий, посвященных национальным истокам белорусской культуры. На базе созданного в 1991 г. Национального научно-просветительского центра им. Ф. Скорины Международной и Национальной ассоциациями белорусистов проводится координация культурологических исследований в Беларуси и за рубежом. В качестве государственных языков, согласно Референдуму, признаны белорусский и русский языки. Сближению и диалогу белорусской и русской культур способствует разумная политика обоих государств в сфере культуры, образования, открытие в ряде российских государственных университетов подготовки студентов по специальности «белорусский язык и литература», как и в белорусских университетах, соответственно – «русский язык и литература».

Белорусскому народу, как и другим, сегодня необходимо самоопределиться, «найти самих себя», иметь довольно сил, что гарантировало бы равноправное участие в свободном обмене передовыми идеями и течениями мысли в духовной жизни восточного и западного регионов, помогло процессу самоидентификации, консолидации, согласию и единению в рамках славянского мира. Здесь нельзя не отметить все чаще слышащийся в последнее время призыв к *единению славян*.

Объединительная программа всех славян, т.е. восточных, южных и западных (европейских), католиков, православных и др., именуемый *панславизмом*, имеет свою историю. Еще во времена Мос-

¹ Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам (Даследзіны беларускага светагляду) // Вобраз–90. Літаратурна-крытычныя артыкулы / Уклад. С.І. Дубанец; рэдкал.: Н. Пашкевіч (рэд.) і інш. Мінск: Маст. літ., 1990. С. 44–45.

ковской Руси, в царствование Алексея Михайловича, появились идеи и попытки такого объединения. Панславянские идеи поддерживал известный русский дипломат XVII столетия Афанасий Ордин-Нашекин. Позже, рассматривая различия исторических путей других славянских народов (болгар, сербов, чехов и др.), К. Леонтьев дополнил понятие «славизм» понятием «славянства», под которым понимал племенную совокупность славян. Сравнивая же исторический процесс в России и на Западе, он, как и Н. Данилевский, был убежден, что славянской России необходимы внутренняя сила, крепость организации и дисциплины, чтобы защитить свою независимость от европейского натиска. Дистанцируясь от Запада (испытывая «тяготение на почтительном расстоянии»), Россия в то же время должна в себя вобрать и некоторые западные тенденции («национальную гармонию», «дух охранения в высших слоях общества»). О необходимости единения славян говорили и представители иных славянских народов: сторонниками такого единения были, например, примыкавшие к протестантизму мыслители Великого княжества Литовского С. Будный, Л. Зизаний, М. Смотрицкий, католики из этого же княжества Я. Веслицкий, Н. Гусовский, Я. Длугош и др.

Симон Будный (1530–1593), проповедник, гуманист, просветитель, церковный реформатор. Напечатал Новый Завет с комментариями и замечаниями, что стало первой во всемирной литературе попыткой радикальной рационалистической критики Евангелия. Фрагмент гравюры из книги С. Решки «Про атеизм и пустословье евангелистов» (Неаполь. 1596. «С. Будный в пекле»)

Лаврентий Иванович Зизаний (Лаврентий Тустановский; настоящая фамилия Куколь, ок. 1570 – после 1633), языковед, писатель, переводчик, педагог, богослов и церковный деятель Юго-Западной Руси. Миниатюра XVIII в. с оригинала XVII в.

Мелетий (в миру Максим Герасимович Смотрицкий, 1577–1579 или 1572–1633) духовный писатель, публицист, филолог, церковный и общественный деятель Юго-Западной Руси, архиепископ Полоцкий. Гравюра XVII в.

Ян Длугош (Jan Długosz, 1415–1480), польский историк и дипломат, крупный католический иерарх, автор 12-томной «Истории Польши». Гравюра ок. 1803 г.

Однако на рубеже XX и XXI столетий не менее очевиден и процесс дезинтеграции славянского мира. Восточно-православному миру западными идеологами отводится важное место в стратегии противодействия самобытным цивилизациям. Свое отношение к иным типам цивилизации З. Бжезинский четко определил одним понятием – гегемония, – дополняя ее перечень в военно-технической и экономической области таким компонентом, как культурная гегемония, выделяя при этом ее привлекательность среди молодежи. Развивая, по сути дела, известную концепцию С. Хантингтона¹ Бжезинский рассматривает восточноправославный регион как объект, точнее, как один из инструментов атлантической цивилизации, могущий быть использованным в качестве противовеса исламскому фактору и для недопущения «конфуцианско-мусульманской» связи. Вместе с тем, Бжезинский отдает отчет в трудности формирования такого противовеса при условии восстановления восточным славянством своей мощи с последующим отрывом от Запада и формированием тесных связей с такими цивилизационными центрами, как, например, Иран и Китай.

Уже сама подобная постановка вопроса имплицитно содержит указание на величие современного славянства и должна восприниматься им как побуждение к мужеству и твердой вере в свою историческую миссию единения различных народов, национальностей, конфессий, культур в контексте глобализации мировой истории и сохранения национальных интересов и приоритетов. В современных, столь непростых для восточнославянского мира условиях необходимо все *внимательнее прислушиваться к историческому прошлому, духовным традициям, ценить все конструктивное в них, способ-*

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

ствующее консолидации славянских народов, а не их разобщению и дезорганизации. Духовные традиции, аккумулируя опыт прошлого, выступают культурогенетическим кодом народа, запечатлевая его «черты вечности», существуя вопреки переменчивому времени и всему исторически преходящему.

Что касается белорусов, то их исключительная любовь к родной земле, привязанность к родным местам, хозяйственность, бережливость, трудолюбие, преданность семье и семейно-родовая солидарность – те характерные черты, которые закладывают основы белорусской политической культуры. Ориентация на такие ценности особенно важна для современной молодежи, будущего страны, наиболее активной и способной части общества. Формирование жизнеутверждающего молодого поколения является одним из главных факторов обеспечения устойчивого развития государства и общества. Наряду со старшим поколением, молодежь несет ответственность за сохранение и будущее страны, за преемственность исторического и социокультурного наследия – тем ценнее ориентированные на молодежь позитивные консолидирующие идеи.

Для трансформирующегося общества, каковым сегодня является Беларусь, чрезвычайно важно также изучение и обоснование системы социально-политических стратегий, выяснение через систему социологических исследований личностного восприятия респондентами модели государственного устройства и контуров оптимальной модели, системы экономических и политических ценностей, которые бы могли стать фундаментом в формировании государственности, политической культуры и национальных приоритетов.

В то же время, следует иметь в виду, что в своих крайних и, самое главное, отстаиваемых в самых жестких формах и действиях, национальная парадигма и идеология смыкается с национализмом, сепаратизмом и экстремизмом, служит обоснованием для стремления ультра националистических элементов и групп к политическому лидерству и захвату государственной власти, приводит к пренебрежительному отношению к интересам других наций и национальных групп, к высокомерию, демонстрации личного превосходства, стремлению подчинить государственные интересы локальным. Сторонники национализма неспособны противостоять соблазну абсолютизации культурной и этнической обособленности, создавая тем самым опасность возведения насилия в ранг законности¹. Чтобы установить равенство народов и их культур необходимо препятствовать возведению отдельных культур в ранг нормы, эталона ценностей и всеобщего прогресса². В мире риска национализм становится врагом нации, считают некоторые исследователи. Отсюда космополитизация рассматривается как исследовательская перспектива, политическая реальность, критическая теория нашего времени³.

Для соблюдения баланса в отстаивании национальных приоритетов здесь важно опираться на традиции и истоки своей культуры в диалоге с другими культурами, возрождение национального самосознания и формирование «консолидирующей общество идеи». Что касается белорусской идеи, то ее формирование как систематизированного обобщения национального самосознания, имеет глубинные корни, опирается на разработки русской идеи Н. Бердяевым, И. Ильиным, В. Соловьевым, К. Леонтьевым, Н. Данилевским и др., и представлено как в рационализированной, социально-философской и общественно-политической форме, так и в образно-типизационном, художественно-литературном выражении. Суть ее заключается в осмыслении бытия белорусского этноса, исторического наследия и борьбы белорусского народа, его национальной идентичности и самости, генетических истоках, идей сосуществования, основаниях уникальности, особенностях национального характера и геополитического положения.

Национальная идея является источником духовного обогащения, формирования гуманистического мировоззрения, высоких гражданских качеств, возрождения исторической памяти и национального самосознания, чувства гражданской гордости и патриотизма, национальной культуры. Чувство патриотизма играет особую роль в формировании современных мировоззренческих приоритетов государственности, будучи формой осознания общности интересов людей, веками живущих в обособленных отечествах, уважения к историческому прошлому своего народа, гордости за его достижения и горечи за неудачи, беды и ошибки предков и современников, активной деятельности по созданию нового, прогрессивного. При этом обязательной стороной подлинного патриотизма является уважение к другим народам, их языку, культуре, истории.

Патриотизм исключает как национальный нигилизм, так и «квазипатриотизм» – гипертрофиро-

¹ Подробнее о результатах подобного рода политики в формировании ценностных установок молодежи см., напр.: Беляев Г.Ю. Неонацизм как модель социализации и воспитания: угроза государственной безопасности и глобальный вызов гуманистическим образовательным системам // Пространство и Время. 2015. № 1–2(19–20). С. 43–52.

² Кастильо М. Указ. соч. С. 139.

³ Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 57–65.

ванное представление о своей нации, противопоставляющее национальное общечеловеческому, отечественное – интернациональному (об опасности именно такого квазипатриотизма предупреждал в 1921 г. И. Абдиралович, называя его «новым игом»). С патриотизмом несовместимы сепаратизм, национализм, шовинизм. За этими аномалиями стоят общественные силы, интересы которых противостоят тенденциям исторического прогресса, преследующие корыстные цели. Патриотичной может быть лишь политика, идущая из глубин народного бытия, вырабатываемая и осуществляемая для блага конкретных, реально действующих людей, образующих данную историческую общность, и не в ущерб другим народам.

Выявление наличных ценностно-нормативных составляющих национальной культуры в целом и политической, в частности, прогнозирование перспектив их внедрения в культурные практики и практики политических процессов и действий, компаративное сопоставление подобных составляющих в кросс-культурных моделях является одной из актуальных проблем современной политики, экономики, культуры.

В современных условиях нормы традиционной этики, нравственные заповеди, которыми человечество пользуется на протяжении веков, не в полной мере обеспечивают механизмы этической регуляции в области политики, экономики, международной деятельности. Несомненно, это своего рода социальный заказ на разработку нравственно-политических и правовых оснований современного общества, учитывающий глобальные изменения современного мира и адресованных, прежде всего, молодежи. Важно формирование у молодежи активной жизненной позиции, повышение правовой и политической культуры, готовности к участию в общественно-политической жизни, создание условий для реализации профессиональных знаний.

Что происходит с молодежью, личностью в условиях глобализации, виртуализации социального пространства, массовизации культуры, проблематизации национальной идентификации человека и государства, запредельными очертаниями свободы и границ личности? Человеческое Я все больше превращается в точку сборки, нелинейную волну свободы и ответственности, странника в стихиях возможного бытия. В соответствии с новыми вызовами современности, которым есть реальные предпосылки в виде социально-экономических и технологических оснований, можно говорить о *необходимости становления трансдисциплинарной, ноосферной, «человекоразмерной» социально-политической картины социальной реальности*. Такая картина синтезировала бы в себе наиболее прогрессивные модели и принципы объяснения природного, социального, политического мира, представления о нем, складывающиеся в концептуальном поле различных культур и народов, формируя при этом обновленный мировоззренческо-методологический ракурс организации научного поиска в конкретных областях исследования и, соответственно, видения их предмета исследования в единстве с гуманистическими ценностями¹. Подобную картину мира нельзя создать и понять, не поместив в нее живое, сознательное и чувствующее существо, которое понимает эти закономерности, резонансно реагирует на необратимые процессы, происходящие в Космосе, на Земле, в отдельной стране, организации, с отдельным человеком. Такая картина мира должна быть написана «животворящими» красками, оживляющими холодный рациональный взгляд субъектов, принимающих решения, лишённые человеческого измерения, нравственных ориентиров и принципов «межпоколенческой этики». О такой этике на XXIII Всемирном философском конгрессе (август 2013, Афины) говорил японский философ Кеичи Ноэ (Keiichi Noe), справедливо утверждая, что «что бы мы ни решали, мы должны всесторонне предусмотреть влияние нашего решения на будущие семь поколений». В подобных подходах заключен великий смысл этической ответственности человека за принимаемые решения.

В качестве оснований такой картины социальной реальности следует назвать и возникающие представления о сетевом обществе, сетевом человеке, его проектно-брендовой идентификации, корпоративной культуре, креативности, гибкости и своеобразной неуловимости в условиях виртуального пространства². «Жизнь в сети», или жизнь в рамках «проектного града» способствует созданию особого дискурса менеджмента, новой идеологической конфигурации «интуитивного менеджера». При этом предполагается, что жесткая иерархия должна заменяться гибкими новаторскими субъектами управления, выступающими в роли «вдохновителей», «координаторов команд», – лидерами, способными без применения прямой силы (точнее, способными путем применения «мягкой силы») обеспечить вовлеченность работников в процесс труда и наделить труд каждого определенным смыслом. Вместо вертикальной иерархии разрабатывается горизонтальная «система доверия», вкла-

¹ Яскевич Я.С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды. Мн.: Право и экономика, 2014. С. 511.

² См. об этом: Castells M. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed., with a new pref. John Wiley & Sons, Ltd., 2010. PDF-file. <http://samples.sainsburysebooks.co.uk/9781444310146_sample_415190.pdf>.

дываются средства в развитие «корпоративной культуры» и «командного духа» с установкой на достижение гибкости и ухода от авторитаризма.

Чтобы научиться «жить в сети», необходимо соединение разнообразных компетенций, умение самосовершенствоваться через множество проектов под девизом «гибкость, креативность, реактивность». Новые методы организации «жизни в сети» ведут к разрушению бюрократической структуры, позволяют работать с людьми, находящимися на другом конце мира, с другими культурами, предприятиями. Подвижный и гибкий мир, образованный из многочисленных проектов, исследователи называют «проектным градом»¹, в котором личность во все большей степени предстает как проект или даже серия проектов. Проектно-брендовой идентификации личности способствуют условия информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики. Одновременно в искусстве, политике мы имеем дело с нарастанием личностных автопроектов, в том числе построенных на преодолении расовых, гендерных, возрастных, и даже просто человеческих характеристик идентификации.

Наряду с новыми функциями и пониманием «жизни в сети» важное место в формировании транснациональной социально-гуманитарной картины социальной реальности занимает социально-экономическая динамика современного общества. По мнению испанского социолога М. Кастельса, в конце XX в. сложилась экономика нового типа² – «информационная» (поскольку конкурентоспособность любого субъекта экономики – фирмы, региона, нации зависят от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию), или «глобальная» (потому что основные виды экономической деятельности – производство, потребление, циркуляция товаров и услуг, а также капитал, труд, сырье, управление, технология, рынки организуются в глобальном масштабе с использованием разветвленной сети). Новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты, в результате чего есть опасность – и угроза – исключения целых национальных или континентальных экономик (например, Африки) из мировой информационной системы, а значит, из мировой системы разделения труда.

Кроме экономических процессов, происходит серьезная трансформация публичной сферы и идейно-символического пространства под воздействием Интернета. Развитие пространства Интернета приводит к становлению так называемой «сетевой философии», которая базируется на принципах свободы информации и отличается ярким индивидуализмом, приматом формального над неформальным, а иногда даже внегосударственностью. Она включает в себя такие течения, как хакерство, киберанархизм и сетевое либертарианство. «Манифест Киберпанка» К. Кирчева³ написан для людей, живущих в киберпространстве и не ведающих границ, борющихся с «Системой», нормами права и устоявшимся стилем жизни, как и «Декларация независимости киберпространства Дж. Барлоу»⁴ с близкими положениями: индивидуализм, гражданин мира, свобода слова, сетевое самоуправление, на основе не правовых, а этических норм.

В рамках таких поворотов современного человечества осуществляется резкая критика национальной парадигмы, национального государства. Национализм становится врагом нации. Отсюда космополитизация рассматривается как исследовательская перспектива, политическая реальность, критическая теория нашего времени⁵. В рамках подобного подхода *транснациональное* означает наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы национальных государств⁶. Если под политической картиной мира понимать систему связанных образов и преставлений о власти, ее механизмов и конфигурации в окружающей среде, то транснациональный тип политической культуры раскрывается через такие понятия, как множественная идентичность, динамический взаимообмен символами и практиками, создающими новые социальные формы (креолизация), диалог культур народов, религий.

Концептуальные подходы отдельных государств в сфере межэтнических и межконфессиональных

¹ Различные взгляды на этот счет см., напр., в работах: Неклесса А. Глобальный град: творение и разрушение // Новый мир. 2001. № 3. С. 143–153; Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Изд-во НЛЮ, 2011; Баёва Е.А. Сетевая модель капиталистического мироустройства: способы воспроизводства и оправдания (социологический анализ) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 32–37; Горохов В.Г. Проблема принятия решений в условиях технологических рисков в современном глобальном обществе [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. Вып. 2: Пространство и время принятия решений. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast9-2.2015.42.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 81.

³ Кирчев К. Манифест Киберпанка / Пер. Сальникова А.М. [Электронный ресурс] // Гельман Галерея. 1997. 14 февр. Режим доступа: <http://www.gelman.ru/slava/manifest/istochniki/kiberpank.htm>.

⁴ Барлоу Дж.П. Декларация Независимости Киберпространства [Электронный ресурс] // POSIX.ru. 2005. 25 ноября. Режим доступа: <http://posix.ru/openway/declaration/>.

⁵ Бек У. Указ. соч.

⁶ Акопов С.В. Транснациональное измерение современности // Философские науки. 2015. № 3. С. 104–119.

отношений при этом являются основой для формирования основ крепких интеграционных связей. Здесь важен не только политический и экономический ракурс интеграции, но и социокультурное единство, толерантность и согласие. Если в перспективе, как отметил министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров относительно Евразийского экономического союза, будет создано единое экономическое и гуманитарное пространство от Атлантики до Тихого океана, где могли бы сосуществовать и взаимно сотрудничать все страны Европейского союза, будущие участники евразийского интеграционного процесса, расположенные на этом пространстве, тогда бы не было ненужной конкуренции и разделительных линий, навязанного ложного выбора «либо с нами – либо против нас»¹.

В таком процессе глобального взаимодействия и взаимовлияния различных культур и цивилизаций важное место занимает каждая из локальных культур и цивилизаций, существующих на конкретной территории и в определенный момент исторического времени, с их уникальными социокультурными характеристиками. Определение статуса и духовных ценностей локальных культур, путей сохранения культурно-цивилизационной идентичности в глобализирующемся мире приобретает сегодня особую актуальность. Глубокие изменения в геополитических стратегиях, трансформация социально-политических систем позволяют говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития. Хотя интеграционные и глобализационные процессы в некотором смысле сужают возможности национальных сообществ влиять на мировую экономику и культуру, это не значит, что эпоха национальных образований завершена. Важно искать такие механизмы управления интеграционными и глобальными процессами, которые позволяли бы сохранять суверенное бытие национальных государств и культур в пределах любых объединений и союзов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов С.В. Транснациональное измерение современности // *Философские науки*. 2015. № 3. С. 104–119.
2. Баёва Е.А. Сетевая модель капиталистического мироустройства: способы воспроизводства и оправдания (социологический анализ) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 396. С. 32–37.
3. Барлоу Дж.П. Декларация Независимости Киберпространства [Электронный ресурс] // POSIX.ru. 2005. 25 ноября. Режим доступа: <http://posix.ru/openway/declaration/>.
4. Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот // *Вестник Института Кеннана в России*. 2012. Вып. 22. С. 57–65.
5. Беляев Г.Ю. Неонацизм как модель социализации и воспитания: угроза государственной безопасности и глобальный вызов гуманистическим образовательным системам // *Пространство и Время*. 2015. № 1–2(19–20). С. 43–52.
6. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Изд-во НЛЮ, 2011.
7. Горохов В.Г. Проблема принятия решений в условиях технологических рисков в современном глобальном обществе [Электронный ресурс] // *Электронное научное издание Альманах Пространство и Время*. 2015. Т. 9. Вып. 2: Пространство и время принятия решений. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovtr_e-ast9-2.2015.42.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
9. Кастийо М. Понятие плюрализма и этика коммуникации // *Философские науки*. 2013. № 11. С. 134–144.
10. Кирчев К. Манифест Киберпанка / Пер. Сальникова А.М. [Электронный ресурс] // Гельман Галерея. 1997. 14 февр. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/manifest/istochniki/kiberpank.htm>.
11. Лавров С. Выступление на Первом форуме молодых дипломатов. Москва, 25 апреля 2014 года // *Международная жизнь*. 2014. № 5. С. 5–20.
12. Ласло Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // *Куда движется век глобализации?* / Под ред. А.Н. Чумакова, Л.Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014. С. 9–12.
13. Неклесса А. Глобальный град: творение и разрушение // *Новый мир*. 2001. № 3. С. 143–153.
14. Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М.: Центрполиграф, 2003.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // *Полис*. 1994. № 1. С. 33–48.
16. Яскевич Я.С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды. Мн.: Право и экономика, 2014.
17. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам (Даследзіны беларускага светагляду) // *Вобраз–90. Літаратурна-крытычныя артыкулы* / Уклад. С.І. Дубанец; рэдкал.: Н. Пашкевіч (рэд.) і інш. Мінск: Маст. літ., 1990. С. 44–45.
18. Castells M. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed., with a new pref. John Wiley & Sons, Ltd., 2010. PDF-file. <http://samples.sainsburysebooks.co.uk/9781444310146_sample_415190.pdf>.
19. Ioffe G. "Culture Wars, Soul-searching, and Belarusian Identity." *East European Politics and Societies* 21.2 (2007): 348–381.
20. Ioffe G. "Understanding Belarus: Questions of Language." *Europe-Asia Studies* 55.7 (2003): 1009–1047.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Яскевич, Я. С. Белорусская культура в контексте современного социокультурного пространства: сложность исторического пути развития / Я.С. Яскевич // *Пространство и Время*. 2015. № 4(22). С. 106—120. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provtr_st4-22.2015.41.

¹ Лавров С. Выступление на Первом форуме молодых дипломатов. Москва, 25 апреля 2014 года // *Международная жизнь*. 2014. № 5. С. 5–20.